

Нравственный догмат обретения Бога в душе показывается Толстым как неосознанное приобщение к незамысловатой правде Платона Фоканыча: «Новое радостное чувство охватило Левина. При словах мужика о том, что Фоканыч живёт для души, по правде, по-Божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом» (5 : 376). В представлении автора оно оказывается равнозначно состоянию духовного просветления героя, его рождению к истинной жизни. В этом контексте эмблематический персонаж выполняет функцию, сходную с той, что выполнял Платон Каратаев («Война и мир») и лохматый старик на пароме («Воскресение»).

Эмблематические образы в предельно сжатом виде выражали квинтэссенцию размышлений Толстого об истинной жизни. В финале романа утверждается любовь, далекая от традиционной, романной, когда автор, опровергая общепринятые представления, декларирует любовь как бесконечное объединение людей в добре.

Понятие «эмблематический реализм» при кажущейся парадоксальности органично для определения художественного метода Толстого, в основе которого лежит закон «сцепления противоречий». Эмблематическая поэтика позволяла писателю расширять повествовательное пространство и придавать ему духовное измерение. Это был способ мышления писателя-реалиста, воплощающего в произведениях не только свои представления о мире существующем, но и утверждающего правду мира должного как историю пробуждения человека к Божьей жизни.

Библиографический список

1. *Бирюков П. И.* Биография Л. Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. М., 2000.
2. *Густафсон Р. Ф.* Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003.
3. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
4. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юб.): в 90 т. Т. 18. М., 1928–1958.
5. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юб.): в 90 т. Т. 19. М., 1928–1958.

В. Г. Андреева

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

«АННА КАРЕНИНА» Л. Н. ТОЛСТОГО И «ЗАБЫТЫЙ ВОПРОС» Б. М. МАРКЕВИЧА

«Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Забытый вопрос» Б. М. Маркевича спустя 140 лет после выхода в свет оказались на разных ступенях известности. Роман Л. Н. Толстого знаком широкому кругу читателей, а господин Маркевич в наше время стал в литературе писателем второго, если не третьего ряда, редко вспоминается даже литературоведами, причем часто с неоднозначными характеристиками: «Аристократ и сноб, ловкий карьерист и царедворец, камергер,

занимавший до середины 70-х годов довольно крупные должности в различных министерствах ...» (5 : 113).

Б. М. Маркевич – человек незаурядный, обладавший широким кругом способностей, отлично знавший атмосферу светских салонов и высших кругов. Несомненно, Маркевич ориентировался на художественные достижения Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Но была, по-видимому, и обратная связь: возможно, при создании романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстой отталкивался от находок Маркевича.

«Злобой дня для той эпохи, которая воссоздана в «Анне Карениной», был «женский вопрос»» (1 : 296). А Вл. С. Соловьев отметил, что «в те эпохи, когда старые формы жизненных начал исчерпаны и истощены и требуется переход к новым идейным зачатиям, женщины если не раньше, то сильнее и решительнее мужчин испытывают недовольство традиционными рамками жизни...» (4 : 357). По мнению критика, прежде чем женщина придет к *единой истине*, ей необходимо пройти через власть семи бесов. И бес «свободной любви» у Соловьева стоит на первом месте.

«Забытый вопрос» был опубликован в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1872 году. В планах и заметках к «Анне Карениной», в одной из рубрик, посвященных роману, читаем: «В деревне женатый. Охота. Поездка Долли. Жизнь Анны с Вронским. *Маркевич, рассказ о Петерб[ургском] житье*» (курсив мой. – В. А.) (6 : 20, 6). Данное упоминание показывает, что Л. Н. Толстой обращается к рассуждениям Б. М. Маркевича о несчастных семьях и живущих без любви, мучающих друг друга супругах.

Еще до Л. Н. Толстого, изобразившего в «Анне Карениной» несчастье матери и сына, трагедию Сережи Каренина, Б. М. Маркевич описал удивительного мальчика Васю, заботившегося о больном отце и сгоревшего после его смерти, после предательства матери. Не случайно Маркевич заканчивает роман рассуждением о душе ребенка, которой *не дано* было соорудить в себе «*светлый мир любви и благоговения к людям*» (3 : 98, 605). Вспомним Сережу Каренина, который увлечен дружбой и старается забыть о матери, но страдает от причиненной ему боли, становящейся основой ненависти ко всему миру: «Оставьте меня в покое! – обратился он уже не к гувернеру, а ко всему свету» (6 : 19, 306). Так, уже Б. М. Маркевич возразил Н. Г. Чернышевскому и его теории свободного счастья с помощью всего лишь *одной знаковой фигуры романа – несчастного ребенка*, жизнь которого, по вине его родителей, становится *расколотой* и теряет *цельность*.

Героини романов – Анна Аркадьевна Каренина и Любовь Петровна Лубянская – утрачивают способность удовлетворяться семейной жизнью. Н. С. Лесков в статье «Специалисты по женской части» определил два присущие русской литературе типа женщин, способных хранить святыню семьи: тип некрасовской сильной женщины-крестьянки и тип пушкинской Татьяны. Л. Н. Толстой и Б. М. Маркевич показали нам новый тип женщины 70-х годов, потерявшей былую крепость духа, женщины, ставшей матерью, но забывшей о своих обязанностях по отношению к ребенку из-за нового, «земного» чувства.

Отсюда и мотив двоения, охватывающий героинь. Наличие его можно зафиксировать у обоих писателей, но реализация мотива связана с мерой погружения художника в психологию героини. В «Забытом вопросе» мы видим Лубянскую

в одном положении изменницы: ее жалобы на трудную жизнь звучат искусственно. Мотив двоения, показывающий пропасть между прошлым и настоящим героини, ярко проявляется в воспоминаниях ее сына Васи. Умиравший мальчик представляет *мать* – чудесную красавицу, которая ни в чем не может быть виновата. Лубянская, прихода которой он боится, перестает быть матерью и, в отличие от Карениной, не ощущает болезненного раздвоения.

Любовь Петровна считает возможным соединить в своем сердце любовь к сыну и новому избраннику. Анна Каренина, уже в вагоне по пути из Москвы в Петербург, чувствует несовместимость той честной жизни, которой она жила, с новым вторгшимся чувством. Она думает: «Что там, на ручке, шуба ли это или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» (6 : 18, 107). Отдаваясь новому состоянию, Анна из двух представляемых ее сознанием вариантов выбирает второй, и получается, что Аннушка – чужая, шуба – это зверь, а сама Анна – это другая. К Анне приходит нечто чуждое ей, зверское (хулящее на Бога), то, в чем она – не она.

Позже, обращаясь во время болезни к Алексею Александровичу, Анна попытается отказаться от своего другого «я»: «Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь...» (6 : 18, 434) и попросит: «Да снимите же с меня эти шубы!». Это просьба освобождения не только от жара, горячки, но и от ощущения в вагоне: «Будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «Тепло, очень тепло, горячо» (6 : 18, 107). Вместе с шубами Анна желает освободиться от всех обманов, от тяготящих ее социальных ролей, оставив себе лишь одно – право быть матерью: «И я поеду в Рим, там пустыни, и тогда я никому не буду мешать, только Сережу возьму и девочку» (6 : 18, 434).

Нарушение целостности мира, возникающее в результате разрушения семьи, должно негативно отразиться на близких людях и выплеснуться в окружающий мир злобой. Это тонко почувствовали и Б. М. Маркевич, и Л. Н. Толстой. И те, кто эту злобу несет, по природе своей не являясь злыми, у обоих писателей уходят: гибнет Анна, замкнувшаяся на ненависти, умирает Вася Лубянский, – существование этих людей далее невозможно, поскольку они не находят в жизни смысла, а жить без него не могут. Б. М. Маркевич закончил роман «Забытый вопрос» именно соотношением мира маленького (семьи) и выходящего из него человека и мира большого, человечества, проблемой вхождения человека из одного в другой: «Из мира первых, неизгладимых впечатлений он внесет в жизнь действительную лишь раннюю опытность страданий, преждевременное отрицание и злобу к этой предстоящей ему жизни... А на отрицании и злобе не создалось еще ничего на земле!» (3 : 98, 605).

Есть и другие интересные соответствия двух романов. Рассказанная героем «Забытого вопроса» история о княжне Кити (как не вспомнить Кити Щербацкую) и Лучинцеве (эта фамилия по звуковому облику соотносится с фамилией Левина в вариантах романа – Ордынцев), история о бедном молодом человеке, полюбившем Кити, но не женившемся на ней, о болезни Кити, а после – ее замужестве на другом, могла способствовать возникновению у Л. Н. Толстого замысла организации двух сюжетных линий в романе. Описание Лучинцева, цельной натуры, и желаемой им любви как «органического слияния двух существ в одно нераз-

рывное целое, ... чтоб это целое было непременно *он*, а не *она*» (3 : 97, 514), – очень соответствует типу Левина.

Отношение Бориса к Лучинцевой (он мальчишески влюблен в красавицу) позволяет автору уходить от однозначных оценок героини. Мы видим, что отношение Л. Н. Толстого к Анне Карениной сходно. Но повествование от лица Бориса делает роман «Забытый вопрос» более узким по сравнению с «Анной Карениной». Поиску земного счастья Лубянской не противопоставлена сколько-нибудь серьезная линия поиска «другого», настоящего земного счастья. Соглашаясь в отдельных моментах с Маркевичем, Л. Н. Толстой, несомненно, изображает «других героев» и, при всем сходстве, другую жизненную ситуацию. Наличие двух сюжетных линий, сложный «лабиринт сцеплений», проходящий по всему роману, присутствие статичных и изменяющихся героев, фазы жизни Левина, изображение всех сословий России XIX века, духовное движение отдельных героев – все это уникальные стороны толстовского романа.

В отличие от сложного характера Алексея Александровича Каренина, Лубянский скорее схема, что еще более подтверждается его вечностью. Офицер Эдуард Карлыч Фельзен может быть сопоставлен с Алексеем Кирилловичем Вронским. Статный серый конь Фельзена, крепкая посадка, белый китель и шитая золотом, вычурная фуражка – все это подчеркивает в нем лидера, человека независимого, привыкшего производить впечатление. В одном из эпизодов общество слышит неприличный крик Любви Петровны, испугавшейся за Фельзена – как не вспомнить падение Вронского, перемену в лице Анны и громкое аханье. И Фельзен Маркевича, и Вронский Толстого носят звание ротмистра. И тот и другой одержимы честолюбием, но Вронский – это человек сложной и трагической судьбы, который меняется на протяжении всего романа. Фельзен же, уроженец Курляндии, человек более «практичный и рассудительный», нежели Вронский: вряд ли мы смогли бы увидеть Фельзена около вагона Лубянской со словами Вронского: «Я еду для того, чтобы быть там, где вы...» (6 : 18, 95).

Труд для Фельзена – изучение сердец (не случайно после смерти Лубянской он приступает к «изучению сердца» Галечки Галагай), а любовь к женщине не подразумевает сердечно-духовной привязанности, не соотносится с высшим христианским чувством. В обширных монологах Фельзен, во многом для Лубянской, рассуждает о свободе женщин, однако он отрицает идеал матери и супруги: «Но вообразите себе, если бы с тех пор как мир стоит, все женщины до одной были бы ничем, как только верными женами и хорошими матерями? Ведь люди в своем развитии не ушли бы дальше птиц, потому что и канарейка прекраснейшая супруга и курица образованнейшая мать» (3 : 97, 504). А эгоист Вронский, вступивший в преступную связь с Анной, постепенно меняется, приобретая понятие семейственности, которого он был лишен с детства: в Воздвиженском он мечтает о рождении наследника.

Нельзя не сказать о перекличке символов в романах: в «Анне Карениной» описание зубов героев открывает их сущность, определяет причастность к мысли семейной. Ограничимся несколькими примерами: девичья фамилия Кити – *Щербакская*, у Левина портятся задние зубы, а на лице Стивы мы видим «*улыбку белых зубов между красными губами*» (6 : 18, 392), улыбку человека, не привыкшего

отказывать себе в удовольствиях. «Сплошные», «плотные» зубы Вронского напоминают зубы жеребца и подтверждают в герое наличие животного начала. А у барона Фельзена зубы хищника: «белые зубы, острые, как у щуки». В обоих романах значимым оказывается символ лестницы, связанный и с духовным восхождением героев. Интересен образ-символ *Легавой собаки*, с которой Анна Каренина сравнивает Вронского. В «Забытом вопросе», после отъезда Фельзена, Анна Васильевна начинает передразнивать молодого человека, которого дрессировали в дамском обществе: «*И стоит он себе, бедный, несграбный такой, уши у него длиненькие, а носик кверху торчит, как у щеночка легавенького*» (3 : 98, 101).

В «Забытом вопросе» есть утверждение, по нашему мнению, сходное с одной из фраз, произнесенных Анной Карениной. Румяная дама у Маркевича говорит: «Ах, как он нас знает, как знает... у каждой из нас свое особенное в голове и в сердце» (3 : 97, 514). Анна Каренина замечает: «Я думаю, если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви» (6 : 18, 146). При всем сходстве этих явно соотносимых фраз, необходимо заметить их отличие: Анна не просто, как и румяная дама из «Забытого вопроса», утверждает независимость чувств человека, что для нее так важно, но соотносит любовь с жизнью женщины, утверждая возможность разной любви: от эгоистической до жертвенной.

Конец героинь (Лубянской и Карениной) различен. Первая, как кажется сначала, находит семейное счастье, которого она не могла испытать ранее, но построенное на двух смертях (Васи и его отца). Это счастье, по мнению Маркевича, не может долго существовать для баронессы Любви Павловны фон Фельзен: «Она скончалась от несчастных родов, летом, в Царском Селе» (3 : 98, 602).

«Забытый вопрос» – это роман об исчезновении старой жизни, об уходе семьи Лубянских, после чего старые липы их террасы пошли на топливо. Со смертью Васи и Герасима Ивановича у Маркевича исчезает старая жизнь – идея преемственности нет места. Не так у Л. Н. Толстого. Как в «Войне и мире», так и в «Анне Карениной» писатель показал обычай называния детей: сына Константина Дмитрича и Кити называют Митенькой, дочь погибшей Анны Карениной зовут Анной, а образ Сережи Каренина, лишившегося матери, неизменно соотносится с Сергеем Ивановичем Кознышевым, у которого, видимо, так и не будет детей.

«Анна Каренина» – это роман о *продолжающейся жизни*, несущий идею деятельного изменения и духовного возрождения, именно семейного, потому что в семье становится личность, выходящая после в большой мир.

Библиографический список

1. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М., 2007.
2. Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л., 1984.
3. Маркевич Б. М. Забытый вопрос // Русский вестник. 1872. № 1–4, т. 97–98.
4. Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990.
5. Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: в 2 т. Т. 2. М.–Л., 1964.
6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958.